

A detailed oil painting depicting a military operation in a European city during autumn. In the foreground, a large group of soldiers in khaki uniforms and Brodie helmets march away from the viewer down a cobblestone street covered in fallen orange and yellow leaves. The soldiers are seen from behind, with their bayoneted rifles and satchels visible. In the background, a grand, ornate cathedral with a large dome and multiple windows stands at the end of the street. The sky is filled with soft, white clouds, and the overall atmosphere is one of historical significance and somberness.

Владимир Положенцев

Операция "Сократ"

18+

Владимир Николаевич Положенцев

Операция «Сократ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72530617

SelfPub; 2025

Аннотация

В 1916 Русская императорская армия могла взять Берлин. Предтечей этой победы была уникальная Луцкая операция, больше теперь известная как Брусиловский прорыв. Для успешной реализации наступления армии генерала А.А. Брусилова, разведка Главного управления Генерального штаба России (ГУГШ) решила подбросить немцам дезинформацию, о ложном времени и месте предстоящего прорыва. Подбросить через русских эмигрантов-революционеров, осевших в то время в Швейцарии и связанных с разведкой рейха. С этой целью в Цюрих отправляется полковник контрразведки Юго-Западного фронта Владимир Полотенцев.

Содержание

Предисловие	4
1	5
2	16
3	20
4	24
5	27
6	32
7	39
8	46
9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владимир Положенцев

Операция "Сократ"

Предисловие

Летом 1916 Русская императорская армия совершила уникальный, крупнейший прорыв обороны австро-германских войск, заняв Буковину, частично Волынь, Галицию. Она вклинилась вглубь территории врага почти на 100 километров. Путь на Берлин был открыт. Операция получила название «Луцкий прорыв». При Советах она стала известна как «Брусиловский прорыв», так как возглавлявший её генерал Алексей Брусилов, вступил в РККА. Однако прежде чем перейти в наступление, контрразведка Юго-Западного фронта провела не менее уникальную предварительную операцию по дезинформации немецкого командования. С этой целью в Швейцарию, где находились российские революционеры-социалисты, противники «империалистической войны», имевшие связи с рейхом, был направлен полковник контрразведки Владимир Полотенцев, получивший оперативный псевдоним «Солист».

Полковники Особого отдела контрразведки Юго-Западного фронта Афанасий Тютчев и Владимир Полотенцев вяло перекидывались в «девятку», штабной капитан Юрий Давыдов заваривал английский колониальный чай, щедро сдабривая его французским коньяком. «Мартель», по рецепту поручика Хаджиева – адъютанта находящегося теперь в австрийском плену командира 48 пехотной дивизии Лавра Корнилова, он лил прямо в кипяток, отчего в домике, сбежавшего от войны польского пана, стоял опьяняющий чудесный аромат. Коньяк достался русским после взятия немецкого редута под Ровно. Германцы в свою очередь захватили его в больших количествах в Верденах, где с февраля не прекращалась кровопролитная битва.

– Не переусердствуйте, штабс-капитан, с коньяком, – не отрываясь от карт, посоветовал полковник Тютчев. Ему не везло сегодня в игре, почти все взятки брал Полотенцев. – Завтра утром совещание у вашего генерала Эверта. Учует запах, не поздоровится.

– Да, у Алексея Ермолаевича чутье острое, как у барсука, – со смехом ответил Давыдов – адъютант Эверта. – Коньяк утренний еще ничего, вот чеснока совсем не переносит, я уж и забыл дорогу к сему фрукту.

– К овощу, капитан, к овощу запомните, а еще адъютант

самого командующего Западным фронтом, – рассмеялся Тютчев.

– Мне без разницы, что за штука чеснок, главное начальнику угодить, – так же со смехом ответил штабс-капитан.

– Вот расскажу генералу, что вы его барсуком обзываете, он вас из теплого штаба-то на передовую выгонит.

– Пока не выгонит, а там уж как Бог даст, – ответил тот. – До конца мая движения на фронте не будет.

Сказал и осекся, поняв, что сболтнул лишнее.

Генерал Эверт приехал в штаб Юго-Западного фронта к командующему Брусилову на очередное оперативное совещание по поводу предстоящего грандиозного наступления, одобренного Ставкой и лично царем Николаем в начале апреля. Когда оно точно произойдет, держалось в полной тайне. По всему фронту – от Полесья до Черновцов рылись окопы и траншеи, возводились блиндажи, прокладывались дороги, ставились пулеметные гнезда и артиллерийские батареи, дабы сбить противника с толку. Резервные войска и прибывшие солдаты из отпуска, к передовой не допускались, их размещали на расстоянии, чтобы не открыть место предстоящего прорыва. Основная задача лежала на Западном фронте генерала Эверта. Начнет же операцию в направлении Луцка 8-ая армия генерала Каледина Юго-Западного фронта Брусилова, а пока по всей «линии» образовалось некоторое затишье.

Полковники переглянулись, взглянули на штабс-капитана

Давыдова – значит, и простой штабной офицер знает о деталях будущего прорыва. А Брусилов, когда вызвал несколько недель назад к себе руководителей контрразведки полковников Тютчева и Полотенцева, сказал, что о предстоящей операции знают только несколько человек – царь, командующие фронтами и генерал-майор Ханжин, разработчик плана прорыва. Ну и теперь, разумеется, сотрудники контрразведки. 4-го июня в движение перейдут все фронты, а генерал Каледин начнет наступление на участке Носовичи – Корице, выйдет к Карпатам и разгромит армию эрцгерцога Фердинанда. Через неделю в бой вступят войска Западного фронта Эверта, на которые возлагается основная задача. Начнут наступление и союзники на западе: англичане, французы, бельгийцы, итальянцы, которые все еще не очень верят в успех «русской авантюры».

–*Aventure russe*, – сказал по-французски Брусилов. – Сомневается и император. Всё уже согласованно, но не исключая, что в последний момент он предложит игру по новым правилам. Например, велит изменить направление наступления.

Алексей Алексеевич как в воду глядел. Император буквально накануне операции потребовал через начальника штаба Ставки генерала Алексеева перенести дату наступления на несколько дней, чтобы помочь итальянской армии, оказавшейся на грани катастрофы под ударами австрийцев. Кроме того, наступление провести всеми фронтами в одном

месте, не имитируя «комариные укусы» по всей линии соприкосновения. В каком не уточнялось. Это рушило планы Брусилова, он воспринял это как недоверие. Генерал решил связаться с царем по телефону, просить заменить его другим командующим. Однако штабной генерал ответил, что Николай II уже спит, звоните, мол, утром. Все было готово к артподготовке, и Брусилов взял на себя смелость послушаться Верховного главнокомандующего, отдал команду открыть огонь. Царь этого не забудет. Он не наградит Брусилова Орденом Святого Георгия за успешный Луцкий прорыв, как требовала Дума, а вручит лишь именное оружие, правда золотое и с бриллиантами.

Но это будет потом, а пока стояли хмурые, промозглые апрельские дни.

—Но я вас вызвал, господа, не для того, чтобы обсуждать действия Верховного главнокомандующего, — продолжил Брусилов.

Генерал приблизился к карте предстоящих боевых действий, висевшей на стене, где стрелочками были обозначены направления наступлений фронтов и возможных контратак немцев с австрийцами. Указал на Луцк.

—Этот город, несомненно, ключ к нашему успеху.

О чем-то задумался, покачал головой.

—Не буду перечислять меры безопасности, предпринятые мной и вами, господа, а так же контрразведками других фронтов, вы их обеспечивали и должен сказать, професси-

онально. Окопы, блиндажи, ложные склады, аэродромы на всем протяжении фронта, всё так, хорошо. Но этого, господа контрразведчики, недостаточно. Нужно окончательно запутать врага, обмануть его. Он должен быть уверен, что русское наступление изначально пойдет не в направлении Луцка нашим Юго-Западным фронтом, а проведет его генерал Куропаткин своим Северным фронтом. Дезинформация, господа, вот ключ к успеху!

Генерал открыл дверь кабинета, располагавшегося в здании бывшего драматического театра, спросил адъютанта — не прибыл ли еще военный чиновник контрразведки Главного штаба от генерала Алексеева. Адъютант ответить не успел. В кабинет вошел, вернее, тенью просочился невысокий человек в черном плаще, теплой английской кепи с широким козырьком. Его черная бородка торчала клинышком, усы обвисли на концах от морсящего дождя, сапоги вымазаны грязью, словно добирался через окопы. При этом глаза его скрывали темные круглые очки. Таким полковник Полотенцев представлял себе чеховского «Человека в футляре» из журнала «Русская мысль».

Чиновник поздоровался, сел без приглашения напротив полковников. Кивнул штабс-капитану Давыдову, чтобы тот вышел. Представился Пантелеймоном Ионовичем Кошкиным. Начал сразу, без предисловий:

—Вы, полковник Тютчев, будете обеспечивать дезинформацию здесь, на фронте. А вы, господин Полотенцев, отпра-

витель в Цюрих.

И не давая офицерам возможности задать вопросы, продолжил:

— Ставка надеется на вас, господа. — Он приподнял очки, наклонился к Полотенцеву: — Ваш литературный псевдоним — Феликс Бабочкин, с этого дня им и станете, оперативным будет — Солист. Ясно почему — будете действовать один, солировать, так сказать.

Владимир Николаевич Полотенцев не был кадровым военным. До войны работал корреспондентом и ответственным секретарем еженедельника «Московские факты». Статьи подписывал Феликсом Бабочкиным. На войну ушел добровольно сразу после ее начала, к тому же московская Дума перестала финансировать газету «по причине нехватки средств». Решил писать репортажи с фронта. Но судьба распорядилась иначе, оказался в 3-ей армии под командованием Брусилова, находясь в осаде в Перемышле, пришлось взяться не за перо, за оружие. Геройски проявил себя, и командующий предложил остаться у него при штабе — грамотный журналист всегда пригодится. Как дворянин сразу получил звание штабс-капитана. Так с генералом Брусиловым он форсировал Карпаты, разделил горечь поражения под Горлицами, отходил с ним из оставленного Львова на Волынь, участвовал в Ровенской операции. Но в штабе командующего долго не засиделся. Юго-Западный фронт, возглавленный Брусиловым, нуждался в сильной контрразведке, а опытных

людей не хватало – либо гибли, либо не справлялись с оперативными задачами. Контрразведку фронта возглавлял Афанасий Петрович Тютчев, потомок того самого русского поэта и философа. Ему в помощь, произведя из штабс-капитана в подполковники, наконец, в полковники, Брусилов и назначил Полотенцева. Такая карьера по военной части на фронте была не редкость, люди гибли даже не тысячами, сотнями тысяч. Тютчев быстро натаскал новоиспеченного коллегу на оперативное дело и понял, что журналист не промах, всё схватывает на лету, а значит он с ним наравных.

–Вместе с вами в газете работал некто Казимир Львович Яхновский,– продолжил Кошкин.

–Да, был такой,– кивнул полковник Полотенцев.– Признаться, странный был человек, социалист с несдержанными, мягко говоря, взглядами.

–Прошу вас, Солист, не перебивайте меня. – Назвав полковника Солистом как само собой уже разумеющееся, он попросил у командующего разрешения закурить. Тот дал ему медную пепельницу в виде панциря черепахи. – Яхновский с началом войны сбежал через Швецию во Францию, потом осел в Швейцарии, стал соратником Юлия Мартова, того самого революционера-интернационалиста, что построил Ленину «козью морду» на съезде РСДРП, расколол их дьявольскую партию, образовав меньшевистское крыло. Мартов обретался в Париже, Женеве, теперь живет в Цюрихе. При этом поддерживает идею Ленина о превращении империалисти-

ческой войны в гражданскую. То есть, в братоубийственную бойню.

—Подобные негодяи никогда не найдут отклик в русских людях, — сказал Брусилов.

—Вы думаете? — ухмыльнулся Кошкин, переведя колючий взгляд на генерала. — Революционные авантюристы-экстремисты нынче налитаны ядом марксизма, проповедующего классовую борьбу — убей того кто богат и заberi всё себе. И этим ядом они травят народ. Уже и войска разлагают, мы их ловим, но они размножаются аки тараканы. Противоядие одно — наша победа в войне. Иначе...

— Это же надо, из-за своих политических амбиций пытаться натравить брата на брата, отца на сына, — не мог успокоиться генерал. — Самые отвратительные из них большевики — эти нелюди ни перед чем не остановятся, чтобы в угоду немцам, развалить Россию.

В 1920 Алексей Алексеевич Брусилов вступит в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, возглавит Особое совещание при главкоме Советской России, напишет воззвание к добровольцам армии барона Врангеля, предлагая прекратить Гражданскую войну, пообещав амнистию. Белые офицеры назовут это предательством России, а Петр Николаевич Врангель скажет: Бог ему судья, сделка с дьяволом возможна только при продаже своей души. Некоторые историки считают, что столь неожиданное для многих решение Брусилов принял из-за мести за сына, тоже Алексея, командира

Красной армии, которого расстреляли, взяв в плен дроздовцы. По другим данным, никто его не расстреливал, попав в плен, он перешел на сторону белых и умер от тифа в Ростове на Дону. В любом случае, Брусилов сделал сознательный выбор, влившись в ряды «нелюдей», которыми еще недавно он называл большевиков.

—Мы отвлеклись, господа, — оборвал Брусилова военный чиновник. — Яхновский неотступно следует за Мартовым. Тот в свою очередь, как нам известно, имеет тесные связи с разведкой кайзеровской Германии, в частности с ее руководителем полковником Вальтером Николаи. Это профессионал высочайшего класса, поднявший разведку рейха на небывалую высоту.

По словам Кошкина агенты немцев есть даже в императорском окружении, в военном министерстве. Их имена якобы известны, но они не обезвреживаются потому что, так удобно пичкать врага дезинформацией.

—Информационная война! — поднял палец чиновник Главного штаба, — Она не менее важна, чем война огневая, а порой и важнее. И вам, господа, предстоит стать в ней победителями. Иначе...

Видно, слово «иначе» — любимое Кошкиным, подумал полковник Полотенцев — всё теперь двойственно и не конкретно, неопределенно. Воспользовавшись паузой, спросил:

— И как же я появлюсь перед бывшим коллегой Яхновским — здравствуй, Казимир, давно не виделись?

Кошкин удивленно хмыкнул:

–Вы не промах, Владимир Николаевич. Правильно ставите вопрос, опережая мои пояснения. Вы верно поняли – через Яхновского нужно передать Мартову ложную информацию о месте и дате нашего летнего наступления. Тот как противник войны, непременно сообщит эту важную информацию кайзеровской разведке.

–А если Казимир не клюнет на мою дезу? – спросил полковник.

–Вы получите некоторые документы, в которых имя Яхновского фигурирует как агента царского Охранного отделения. Если об этом узнают его соратники, тем более Мартов, повесят на первом суку.

–Это ведь липа? – поинтересовался Тютчев, одно время служивший следователем в Департаменте полиции в Санкт-Петербурге.

–Да как сказать, – замялся Кошкин. – Если учитывать, что он регулярно строчил доносы не только на сотрудников газеты, где работал, но и на остальных коллег-журналистов, то не липа. Да, на вас, Солист, имеется целая пачка донесений, в том числе о ваших похождениях по борделям и прочим злочным местам.

Полотенцев даже закашлялся. Казимир никогда не производил впечатления сексота, более того, вместе с ним участвовал в попойках и походах по дамам.

–На этом, господа, общая часть нашей встречи законче-

на, — объявил военный чиновник контрразведки Главного штаба. — Вам, господин Тютчев, позже я дам подробные инструкции для ваших агентов среди солдат и офицеров. Всего доброго, Афанасий Петрович.

Полковник Тютчев встал, отдал честь, удалился. Генерал сел за стол, стал просматривать бумаги.

— Вас это тоже касается, Алексей Алексеевич, — неучтиво сказал Кошкин. — Не на дворе же мне давать Солисту совершенно секретные указания, называть пароли. Уж извините, господин генерал, такова необходимость. И муха не должна знать лишнего.

— Понимаю, — только и ответил, покрасневший как рак Брусилов, направившись к двери.

— Да, и адъютантов ваших из сеней с собой прихватите.

Беспардонность обращения с генералом несколько покорибила полковника Полотенцева — Брусилов ведь не «пролетающая мимо муха», а командующий фронтом, на которого возложена колоссальная задача. Но он понимал, что военный чиновник абсолютно прав. От секретности дела зависит не только успех предстоящего наступления, но и его жизнь, теперь агента контрразведки штаба Верховного главнокомандования под псевдонимом Солист.

Пароход «Санторини» неторопливо рассекал тихие, гладкие как стекло воды Тирренского моря, идя из Неаполя в Марсель. На передней палубе с наслаждением вдыхал запахи морской соли и южной растительности полковник Полотенцев, по новым документам, выданным контрразведкой союзников – «Felix Babochkin». Небо пронизывало ослепительное солнце, под которым носившиеся за кормой чайки, казались белоснежными ангелами. И словно нигде нет войны: разрывов шрапнельных и фугасных снарядов, грязи, смрада, вшей, стонов раненных и умирающих солдат. Просто хотелось жить и послать всё куда подальше.

Каким образом Кошкину удалось договориться с итальянцами, якобы освободить «штабс-капитана Бабочкина» из австрийского плена, выдать ему документы на имя коммерсанта некой электрической компании, Владимир не знал. Да ему это было и не нужно. Поздней апрельской ночью контрразведчик Главного штаба посадил его в двухместный немецкий трофейный аэроплан «Taube», дал последние напутствия:

– Запомните, в Цюрихе общайтесь исключительно с Яхновским, старайтесь не пересекаться с Мартовым, он может усомниться в вашей «басне».

По «басне» же было так: полковник Бабочкин – офи-

цер контрразведки штаба Брусилова, знающий все тонкости предстоящей военной операции русских, якобы попал в австрийский плен. Ему удалось сразу бежать. В это время итальянцы начали наступление под Трентино, в результате Бабочкин оказался у них. Бежал из плена полковник в случайно найденной в вагоне для перевозки пленных, гражданской одежде, воевать ему надоело, и он выдал себя за тернопольского коммерсанта. Австрийцы не отобрали у него при обыске спрятанное семейное кольцо с бриллиантом, которое послужило ему «билетом на пароход до Марселя». Оттуда перебрался в Швейцарию. Зная ценность имеющейся у него информации, решил её продать. Почему не предложил австрийцам? На них надежды нет, мол, злые и непорядочные, узнают всё, потом расстреляют. Он, как контрразведчик, знает, что в Цюрихе живут русские эмигранты, связанные с германской разведкой: Ленин на Шпигельгассе, Мартов на Вассерверкштрассе, часто бывают Плеханов, Аксельрод, Парвус, Кропоткин. Один из эмигрантов – бывший коллега Бабочкина – Казимир Яхновский. Швейцария страна маленькая, открытая, так что найти его не составило труда. Через него и решил предложить «покупателям» секретную информацию. Недорого, всего за полмиллиона швейцарских франков, а лучше фунтов стерлингов.

– Ну а там уж действуйте по обстоятельствам, – заключил Кошкин. – Деньги на расходы будут лежать на ваше имя в цюрихском Кантональном банке на Банхофштрассе, 9. За-

помните номер счета. Так, всё верно. Повторите Parole к Яхновскому.

Паролем была цитата из Сократа: «Кто хочет сдвинуть мир, пусть сдвинет себя. Высшая мудрость – различать добро и зло». Эти слова древнегреческого философа сотрудники Охранки произносили при встрече с агентом Сократом, так Казимир Яхновский значился по оперативным документам. В голенище сапога полковника Babochkin была спрятана расписка Казимира Львовича в добровольном сотрудничестве с Охранным отделением. Предъявит Солист бумагу, в крайнем случае, если Яхновский заартачится. Уж с этого крючка бывший сексот не соскочит.

Информацию о благополучном исходе дела Солист передаст телеграммой в шведский «Stockholms Enskilda Bank». На имя некого Ларса Хансона. «Кредитные обязательства выполнены, готов приступить к сотрудничеству с Британским банком Северной торговли». Если что-то пойдет не так: «Сделка задерживается из-за высоких процентов. Просьба выслать предоплату».

В Швеции находилось немало русских эмигрантов-революционеров всех мастей, имеющих связи в крупных банках, в том числе в стокгольмском. Одним из таких социал-демократов был Александр Парвус, он же Израиль Гельфанд – «отец» революции 1905 года. Именно он в прошлом марте представил немецкой контрразведке подробный план организации революции в России – «Меморандум доктора Гель-

фанда», дабы вывести её из войны. Антивоенная кампания в прессе, революционная агитация в армии и флоте, раскачивание националистических настроений, в частности «окраинных», подкуп военных и гражданских чиновников, а главное, финансирование всех наиболее активных революционных партий, в первую очередь большевиков.

На это Парвус просил у Министерства финансов рейха «всего» 2 миллиона марок. Он их получил. И его усилия не пропали даром, но об этом станет ясно позже. А пока стояли апрельские дни 1916 года...

Вся площадь Цюрихского железнодорожного вокзала «Zurich Hauptbahnhof» была наводнена таксомоторами различных марок цивилизованного, продвинутого в техническом плане, мира. Здесь томились в ожидании клиентов французские Ситроены, английские Астон Мартин, немецкие Мерседесы. На их бортах красовались желтые «шашечки», придуманные для такси американским бизнесменом Джоном Найлсоном, любившим шахматы. Попадались и конные экипажи, однако публика предпочитала коней железных, так что извозчикам «старого закала» приходилось невесело. Казалось, машин было больше пассажиров прибывающих в Цюрих и убывающих из него.

Полковник Бабочкин, он же Солист (будем его так в дальнейшем именовать, дабы избежать путаницы), выбрал французский Ситроен зеленого цвета. Шофер – молодой, розовощекий, улыбчивый парень, с услужливой торопливостью от томительного ожидания, усадил пассажира на заднее сиденье, включил мотор, погнал авто в отель «Glockenhof Zürich» на Зильштрассе, 31, в Старом городе. Швейцария не поддавалась на уговоры Антанты и Тройственного союза принять участие в «мясорубке», сохраняла вооруженный нейтралитет, отгородившись от Германии оборонительными сооружениями, чего же не улыбаться жизни? Воздух тихой, спокой-

ной Швейцарии живительным источником вливался в легкие полковника русской контрразведки, бальзамировал его душу. Не хотелось и думать о возвращении на войну. Выполнив задание, ему предстояло перебраться во Францию, вступить в Русский иностранный легион.

Отель рекомендовал Солисту военный чиновник и руководитель операции Кошкин, хотя выбор оставил за ним. Её он окрестил, так же как и значился по бумагам Охранки Яхновский – «Сократ».

Шофер был не только улыбочивый, но и разговорчивый. Общение с ним по-французски, который Сократ прекрасно знал, равно как и немецкий, оказалось полезным, хотя и несколько утомительным. Всю дорогу парень, представившийся Леонардом Мейером, не закрывал рта, распространяясь о красотах и великолепии Цюриха. Посоветовал непременно посетить Кунстхаус – художественный музей на Хаймплац.

Сократ ответил, что непременно это сделает, но сначала решит деловые проблемы, так как он русский коммерсант из Тернополя.

–О-о, там сейчас война!– воскликнул Леонард, покачав укоризненно головой неясно в чей адрес.

Еще какая, хотел ответить полковник Бабочкин, но передумал – хватит уже шоферу знать больше того, что он уже ему сказал. И все же поинтересовался, где в Цюрихе обычно собираются по вечерам или поболтать средь бела дня рус-

ские эмигранты.

– В пивной «Zeughauskeller», на Банхофштрассе, – сходу ответил Мейер. – Там любимый клуб многих иностранцев, сами швейцарцы предпочитают пабы попроще, или вообще пьют пиво у себя дома. Мы не такие общительные, как вы.

То-то я и смотрю, ухмыльнулся Солист.

Отель на Зильштрассе не производил впечатления фешенебельного, что понравилось полковнику – он не любил роскошь и вообще разведчику нужно быть простым и незаметным. Обычный «французский» светло-желтый длинный дом с обрамленными коричневым камнем окнами, мансардами под покатой крышей. Внизу – справа и слева от входа – магазины одежды, бижутерии, бар-кафе, во внутреннем дворе – ресторанчик под тентом, закрытый пока по причине неустойчивой апрельской погоды. Правда, в Цюрихе уже откровенно чувствовалась весна, не то, что под Тернополем и вообще ТАМ... О том, что происходит «там» опять же думать не хотелось, но забывать, зачем он приехал в нейтральную Швейцарию Бабочкин не собирался.

Сняв номер в уютной мансарде, с видом на реку Лиммат, полковник принял душ, переоделся в чистую рубашку, имевшуюся в его небольшом саквояже, вышел, чтобы взять такси до Кантонального банка.

К его удивлению возле отеля стоял Ситроен с улыбающимся во весь свой широкий рот Леонардо. Он был в кожа-

ном шлеме и автомобильных очках поверх него. Однако, как заметил полковник, он их не надевал даже во время движения, так как высокое лобовое стекло мотора достаточно хорошо защищало его от ветра. Что нельзя было сказать о пассажире. В Италии, куда Солиста перебросил самолет, он купил легкое светлое пальто, которое теперь явно проигрывало резкому, пронизывающему ветру с Альп. Для начала нужно было привести себя в приличный вид.

В просторном зале пивной «Zeughauskeller» за длинными столами сидело немало народу. Разговаривали компании негромко, не то, что в немецких и австрийских питейных заведениях. Официанты разносили пиво в разнокалиберных кружках и бокалах, тарелки со свиными рульками, кровяными колбасками, соленой рыбой, телячьими отбивными, маринованными грибами, мидиями и прочими морскими гадами.

Солист выбрал свободный столик у большого арочного окна, отделанного таким же светло-коричневым камнем, как и окна «его» отеля. На стене над ним весели арбалеты со стрелами, гравюры с какими-то швейцарскими дворянами на охоте, шкуры зверьков, на подоконнике стояли фигурки людей.

Тут же подлетел официант, спросил, что желает господин. И еще не дожидаясь ответа, махнул рукой своему коллеге с подносом, который поставил перед Бабочкиным кружку пива, не меньше литрового размера. Заказав свиную отбивную и запеченную озерную форель, полковник отдал подошедшему распорядителю строгое серое пальто из плотной шерстяной драповой ткани, купленное в шикарном магазине «Глобус». Там же приобрел классический костюм, сорочки, несколько галстуков, ботинки. Конечно, наручные швейцар-

ские часы, и трость для солидности. Денег, что лежали на его имя в банке, было достаточно на светскую жизнь, не только на пивную и отель средней руки. Солист даже мысленно присвистнул: ничего себе живут за границей наши шпионы, обеспечение разведки поставлено на широкую ногу.

Одежду помогал ему выбирать Леонардо, неотступно следовавший за полковником. Это не могло не насторожить Солиста, но ведь он сам выбрал такси на вокзале, никто ему специально зеленый Ситроен не подставлял. Он объяснил это тем, что словоохотливый, веселый парень за версту чувствует солидного клиента и не желает упускать свою выгоду. Что ж, подумал Бабочкин, угрозы шофер не представляет, а помощник в незнакомом городе будет полезен. Он велел отвезти купленные вещи в отель, затем, если Леонардо не трудно, ждать его у рекомендованной ему Мейером пивной. Сам отправился в нее пешком – от магазина одежды до ресторана было недалеко.

Пиво оказалось отменным, свинина сочная и нежная, озерная рыбка таяла на языке. Всё это было хорошо, но русской речи, даже к вечеру, когда хмельные голоса стали громче, он не слышал. Бабочкин решил не действовать напролом, не пытаться сразу найти Юлия Мартова на Вассерверкштрассе, чтобы выйти на объект его цели – Казимира Яхновского.

Бабочкин не верил в провидение, которое якобы ведет человека по жизненному пути и помогает ему в сложных ситу-

ациях. И тем не менее, оно ему сейчас улыбнулось.

Попросил у официанта свежую газету. Тот принес ему «Neue Zürcher Zeitung» на немецком языке. О войне была лишь краткая информация, статьи и заметки касались исключительно внутренней жизни Швейцарии и самого Цюриха. Но вот на последней странице он обнаружил сообщение о том, что русское эмигрантское общество сегодня в семь часов вечера проводит дискуссию в Белом зале Общегородского собрания (Народного дома), по актуальным вопросам рабочего движения на фоне империалистической войны.

Бабочкин мысленно стукнул себя по лбу: вот с чего нужно было начинать, с просмотра местной прессы, а не тащиться в кабак в поисках русских революционеров.

Взглянул на часы – было без четверти семь.

Мейер послушно стоял у входа, редкий снег крупными хлопьями оседал на его шлеме и плечах. Увидев «герра Феликса», как просил называть себя полковник, он поднял на бортах машины угловые стойки, натянул на них брезентовый тент. С боков все равно в салон залетал ветер и снег, но было лучше, нежели совсем без защиты. Солист сказал, что ему срочно нужно в Общегородское собрание. Леонард без вопросов надавил на газ, поехал, куда было указано.

Белый зал в Народном собрании оказался вовсе не белым, а розовым с синими звездочками на стенах, как в синематографе, разве что экрана не хватало, и кресла стояли не ровными, параллельными рядами, а в полукруг. Впереди стол с графином. Все дымили. Стоял жуткий галдеж. Причем на разных языках. Но выделялся, конечно, русский. «Дискутировали» человек двадцать. Среди мужчин выделялась молодая, довольно симпатичная дама. Она была в зеленом платье, с модной прической а-ля греческий ампир. Ее милые кудряшки были прихвачены на лбу светлой лентой. Дама делала записи в блокнот.

Высокий, худой, словно щепка, волосатый парень в студенческой шинели, с лицом измученного болезнью чахоточника, зажав в руке фуражку, декламировал какие-то стихи. Солист, видно, застал декламацию в завершении, до него лишь долетели слова: «...Разрушен будет царский мир, сгорит в огне плебеев кумир»...

Наверняка про царя стишата, подумал Бабочкин.

—Как же вы так о народе? — В верхнем ряду поднялся полный человек с красным лицом, словно натертым свеклой. — Что значит «плебеев»? Это вы так о народе, господа народники? Нужно уважать народ, а вы его презираете.

—Да, презираем, потому что подобострастен и ничтожен,

раз безропотно пошел на империалистическую бойню, — ответил «студент». Туда ему и дорога! А вы, господин, кадет, лучше бы раньше, когда сидели в Думе о народе думали. И сейчас были бы там, коль такой умный, в России. Проводили бы среди солдат революционную агитацию, а не сидели б в теплой Швейцарии и не набивали свое толстое брюхо ливерной колбасой.

—Что?! — «Кадет» надулся так, что, казалось, сейчас лопнет.

—Успокойтесь, господа,— призвал к порядку мужчина в круглых золотых очках, аккуратной черной бородкой и усами, явно иудейской наружности. — У нас дискуссия, а не кабацкая свара. И вообще, давайте о рабочем движении, которое заявлено в нашей сегодняшней программе.

Это же сам Мартов. Юлий Цедербаум, если точнее, подумал Бабочкин. Ага, и Казимир Львович здесь, удачно я почитал газетку.

Яхновский теперь был тоже при бороде, как и его хозяин, только рыжей, с густыми бакенбардами, хотя раньше растительности на лице не имел вовсе. Вероятно, хотел спрятаться за густой «шерстью» от мира. Но Солист сразу его узнал: глаза никуда не денешь, оттопыренные уши тоже, словно их кто-то отодрал. И конечно, нос — выпирающий, подвижный и почти всегда мокрый, как у Русской псовой борзой.

—К черту рабочее движение! — не унимался студент. — Нужна немедленная революция, пока у рабочего в руках

винтовка. Потом будет поздно. А вы, меньшевики-реформисты, призываете к соглашательству с режимом. Вот Старик... Где он, кстати?

—А черт его знает, — ответил мужчина в клетчатом пиджаке и таких же штанах «для гольфа», — наверное, опять в немецкое посольство побежал, просить о скорейшем разгроме России, можно подумать это что-то даст. Я тоже считаю, как господин Мартов, что легитимные методы борьбы с властью более продуктивны, нежели революционный бунт.

—Вы, господин, Юзевич, потому так рассуждаете, что у вас в Орловской губернии несколько поместий и земли глазом не охватить, — парировал студент. — А большевики предлагают национализировать все земли. И это справедливо!

—Верно, Макар Иванович, — сказал оппоненту студента Мартов, отчего тот от удовольствия зарделся. — Мы меньшевики предлагаем программу муниципализации — передачу всех земель в распоряжение органов местного самоуправления. Что касается революционной агитации в войсках, то от нее, разумеется, отказываться нельзя. Но призывать человека с ружьем к бунту, это безрассудно, господа. Его палец, по фронтовой привычке, не дрогнет на спусковом крючке винтовки и тогда Россия zalьется кровью.

—Нет, и еще раз нет! — С правого крыла полукруга встал мужчина средних лет в изумрудном галстуке поверх белоснежной рубашки. На голове у него была обширная плешь в обрамлении золотой подковки редких волос. — Смею вас за-

верить господу, что Старик не побежал, как здесь утверждают, в немецкое посольство. И вообще, разговоры о продажности нашей партии германцам – полная чепуха. Да, в данной ситуации немцы могут быть полезны, стать временными попутчиками, но не более того.

–А марки и франки откуда ваша большевицкая партия черпает, товарищ Полтавский, из какого такого колодца? А газетки свои на чьи средства издаете? – ехидно осведомился Макар Иванович.

–Да, да, мне тоже сие очень интересно, – поддержал Юзевича студент.

–Я не обязан давать вам отчета, господин Коромыслов, – обратился большевик к «чахоточнику». – Здесь все присутствующие имеют средства из определенных кругов, не святым же духом пробиваться. Нам помогают некоторые банковские и коммерческие структуры, разделяющие наши политические взгляды, что здесь такого? Да, мы продолжаем выпускать в Берне газету «Социал-демократ», подпольно издаем в России «Нашу газету», «Прикубанские степи», журнал «Голос печатного труда» и так далее. У немцев же мы денег не берем.

–Напрямую, конечно не берете, – не унимался студент Коромыслов, – но пользуетесь их услугами, а это тоже деньги.

–Какими услугами? Можете привести пример? Вас, Коромыслов, нужно даже не привлекать к суду, а сечь как паршивого кота, за такую подлую клевету. Вы мерзавец, Коромыс-

лов!

В апреле 1917 немецкая контрразведка переправит большевиков во главе с Лениным, а также других радикальных революционеров –экстремистов, по определению заместителя начальника Генерального штаба кайзеровской Германии Людендорфа, из Швейцарии в Россию «делать вторую революцию». Черчилль скажет, что немцы ввезли Ленина в Россию, как «чумную бациллу». Наличных марок Ленин, конечно, у кайзера Вильгельма не брал, слишком хитер, но услуга – те же деньги, ухмыльнется Мартов, возможно вспомнив эту «дискуссию».

Но это будет потом, а пока стоял апрель 1916...

Студент подскочил, словно его ужалила змея. Он готов был наброситься на большевика, но вдруг жестоко закашлялся, обмяк, опустившись в кресло. Полтавский посчитал это «бегством с поля боя» и не стал никак реагировать, лишь посмотрел на Коромыслова с брезгливостью – ну что, мол, связываться с этой политической недорослей, к тому же чужоточной.

Сказал же следующее:

–Наша большевистская теперь партия, спасибо вам господин Мартов,– он поклонился Юлию Осиповичу,– выступает за немедленное прекращение империалистической войны. Солдаты должны повернуть штыки против офицера, дворянства, попов и прочих буржуазных кровопивцев. А достичь этого можно только одним способом: Россия должна проиграть войну и тогда обозленный человек с ружьем, вместе с пролетариатом сбросит ненавистный царский режим, а императора и его семейство отправит на эшафот.

–Эка куда хватили, на эшафот, – покачал головой Юзевич. – Россия страна набожная, богопочитаемая, царь для россиян господь бог. А вы хотите отнять у них святого идола. И что предложите взамен, своего вождя Ленина, скрывающегося под разными кличками, сейчас, видите ли – Старик, потом Дядя, Базиль, Иордан, Чхеидзе... Тьфу, у собак

столько нет.

— Следите за языком, господин Юзевич, — грозно посоветовал большевик. — Вы сами эксплуататор крестьянства, латифундист. Непонятно только что вы здесь делаете. А может вы тайный агент Охранного отделения?

Юзевич подскочил как прежде студент, задыхаясь в гневе. Но и он, к удивлению Солиста, обмяк, прошептав под нос, видно, какое-то ругательство.

— Да, мы не мягкотелые меньшевики, считающие, что революцию должна свершить кадетская буржуазия, — продолжил Полтавский, — а пролетариат только подносить ей патроны, быть на вторых ролях, так сказать. Только безраздельная власть пролетариата в ее интересах! Диктатура!

— Бросьте, господин большевик, — поморщился Мартов. — Именно за власть своей партии вы боритесь, а не за интересы пролетариата. Если, не дай бог победите, устроите из страны что-то наподобие австрийского лагеря для военнопленных за колючей проволокой, от имени пролетариата, конечно, а он у вас станет бессловесным рабом, как и все остальные россияне. Хуже того, ваш левый радикализм — вам ведь всегда нужен враг, мешающий осуществлять ваши планы — приведет к травле и уничтожению своих же соратников, потом всех остальных. Вы обескровите Россию, уничтожите ее мыслящий цвет.

После смерти Ленина в скором времени будет уничтожено почти всё его нынешнее окружение, соратники, сидевшие

теперь кто в Цюрихе, кто в Женеве, а кто и в Берлине. Страна действительно превратится в огромный «австрийский лагерь для военнопленных» от моря до моря, где «безмерно счастливые люди» будут славить советскую, самую свободную в мире родину и её великого вождя – идола, дружно порицая и проклиная врагов народа – немецких, британских, японских шпионов, которыми еще недавно гордились как национальными героями.

Полтавский рассмеялся:

–Вам бы, уважаемый Юлий Осипович, в гадалки пойти, но мало что заработаете. Ваши пророчества – полная чепуха. Пролетариат в союзе с крестьянством построит свободное, великое, демократическое, бесклассовое государство. Ну, а сейчас первоначальная задача истинных социал-демократов разложить императорскую армию изнутри.

–Вы предатель, Покровский, как и все ваши соратники во главе с Лениным! – крикнул народник Коромыслов.

–Давайте не будем, господа, переходить рамки, – призвал Мартов. – Я тоже не сторонник финансовых подачек от Германии, коими пользуются некоторые соратники по борьбе. Цель у всех нас одна – сделать Россию мощной и процветающей, только по-разному ее понимаем: одни подходят к ней здраво, взвешенно, другим же только дай пограбить и поделить, подтолкнув людей к гражданской войне.

Лысый большевик стал кричать в ответ, но за поднявшимся гвалтом было не разобрать что именно.

Дискуссия снова грозила перерасти в неуправляемую склоку, а то и хуже.

И тогда, сам от себя не ожидая, не зная, что из этого выйдет, Бабочкин поднял руку:

—Прошу слова, господа.

Все взоры естественно обратились на Солиста, в том числе и Яхновского. Краем глаза полковник видел, как лопухие уши бывшего коллеги побагровели, заросшая «бурьяном» голова вдавилась в плечи.

—Вы кто? — спросил Мартов, окидывая пристальным взглядом щеголя в шикарном драповом пальто. В одной руке — шляпа и кремовые лайковые перчатки, в другой тросточка, отделанная слоновой костью, ботиночки на шнурках от «Мадам Кутье» — ему ли не знать, сколько стоит такой наряд. — Извольте представиться.

—Я полковник контрразведки Юго-Западного фронта генерала Брусилова, полковник Феликс Николаевич Бабочкин.

В зале раздались возгласы, кто-то даже подскочил. «Этого еще не хватало», — выдохнул студент.

—Бывший полковник, разумеется, удалось бежать из австрийского плена. Хотел бы высказаться по поводу революционной агитации в Русской армии и последствий её развала.

Эмигранты не переставали шуметь, несмотря на призыв к тишине Мартовым. Он вроде как был председателем собрания. И тогда Солист рявкнул:

—А ну молчать, смиренно!

Это подействовало магически, сразу видно офицера с фронта. Яхновский втянул голову еще глубже.

—Хотел бы напомнить вам историю, господа.

И Солист напомнил, сказав, что в России всё всегда решала гвардия. Елизавета Петровна, младшая дочь Петра, села на трон благодаря гренадерской роте Преображенского полка. Екатерина Великая с помощью гвардии расправилась со своим мужем Петром III, став владелицей огромных российских просторов. Павла I убила тоже гвардия, и она же в 1825 вышла на Сенатскую площадь.

— Но восставшие гвардейцы, не имея твердого руководителя и крепкой воли, дрогнули и были разогнаны, поплатившись за это, кто виселицей, кто Сибирью, — говорил теперь журналист, а не контрразведчик Бабочкин. Он не раз писал исторические статьи и хорошо знал тему. — Декабристам не хватило главного — единства. Одни полки были за них, другие против, третьи колебались. В результате власть Романовых осталась незыблемой.

—К чему вы клоните, полковник?— спросил большевик Покровский.

—По-моему, не трудно догадаться. Гвардию, то есть Русскую императорскую армию нужно не расшатывать, а беречь ее целостность, помочь ей достичь реванша: взять Берлин, Вену, Константинополь.

Раздались свистки, топот ног. «Ну, это уж слишком», —

проворчал «латифундист» Юзевич. Мартов же нервно вытирал пот со лба шелковым платком.

–Позвольте продолжить, господа. Молчать!

Гвалт как ветром сдуло.

–Сладость победы, опьяняющий воздух свободной Европы, способен снова, как в 1825 году, направить гвардию на царский трон, выбросить монархию на историческую помойку, как старый прогнивший диван, изъеденный клопами. А уж там, господа, на всенародном вече российский народ сам разберется по какому пути двигаться дальше России. Уверен, он выберет свободный, демократический путь развития, без доминирования одной из партий.

Солист и сам не знал, говорил ли он это от души или только, чтобы понравиться революционерам.

Повисла тишина. Кто-то захлопал. Кажется, большевик Покровский шепотом спросил: «А как же пролетариат?»

В любом деле главное не переборщить, твердо знал журналист Бабочкин. Впечатление произвел, теперь пора уходить. И Казимир смотрит волком, того и гляди с цепи сорвется. Нужен завершающий штрих.

–Армия в скором времени готовит мощный прорыв на западном фронте, и Бог ей в помощь, – сказал Солист. – Я остановился в отеле «Glockenhof Zürich» на Зильштрассе. Кто желает продолжить общение, милости прошу.

Полковник поклонился, надел шляпу, взмахнул щегольски тростью, направился к выходу.

—Погодите, господин Бабочкин, — попытался остановить его Покровский. — Как вообще обстоят дела на фронте?

Солист не ответил, вышел на улицу, где его ждал шофер Мейер. Он услужливо распахнул перед ним дверцу автомобиля. Под локоть помог сесть в кабину.

Полковник хотел сказать, что он еще не старик и помощь ему в посадке не требуется, но увидел краем глаза, что из двери Народного собрания за ним наблюдают несколько человек. Один из них Казимир Яхновский.

Леонард точно парень не промах, подумал Солист, чувствует, что нужно хозяину. Хозяину? Как-то уж больно странно его рвение и все же отказываться от такого внимательного компаньона не стоит.

У отеля Солист попросил Мейера поработать на него неделю, предложил, как оказалось, чрезмерную сумму. Леонард с готовностью согласился быть в полном распоряжении полковника за треть предложенных франков.

Полковника? Откуда узнал? Ну да, подслушивал у Белого зала, который оказался вовсе не белым, а розовым.

Весь план военного чиновника Кошкина раскололся вдребезги.

Чего я натворил? – мучился ночью полковник. Было же всё ясно и просто: разыскать Яхновского, заставить его отдать Мартову фиктивный план наступления за умеренную плату, отправить телеграмму в Стокгольм и тихо раствориться во Франции.

Но как оказалось, социал-демократ Мартов, не приветствует связь революционеров с немцами. Во всяком случае, на словах. Кто же явится к нему в отель первым? То, что придут, полковник не сомневался.

И он не ошибся, но не ожидал увидеть именно эту персону.

Проснувшись рано, он обдумывал план на день. Сидеть в отеле и ждать появления одного из революционеров, было, по меньшей мере, глупо – терять время ни к чему, захотят, найдут. Первым делом, конечно, следует выяснить место пребывания Казимира Яхновского. Это сделать несложно: зайти в местный муниципалитет-коммуну и узнать его адрес, наверняка все эмигранты у швейцарцев на учете. Можно просто потоптаться у дома Мартова, наверняка там появится и Яхновский.

Заказав на завтрак кофе, круассаны, свежую газету, пол-

ковник расположился у окна мансарды, в которое вливалось золотое, бодрящее, словно апельсиновый сок, утреннее солнце. Однако едва раскрыл газету, позвонил портье, сообщил, что к нему просится дама.

Первое, что пришло на ум, сказать, что в женщинах, да еще утром, он не нуждается. Нравы здесь, вероятно, французские, свободные, но не до такой же степени. Однако, сдержался. И правильно сделал.

После легкого стука в дверь, вошла та самая «греческая этейра», что присутствовала на дискуссии в Народном доме и вела записи в блокнотик.

Полковник растерялся от столь неожиданного визита и даже не сразу встал в приветствии, однако опомнившись, пригласил даму сесть, предложил еще не тронутый кофе. Она была обворожительна: изумрудные глаза на фоне мраморной кожи лица, в обрамлении черных завитушек, стянутых на греческий манер белой лентой. И вообще, профиль у нее был богини Артемиды из Древней Эллады.

Сняв белые тонкие перчатки, она не заставила предлагать ей кофе дважды. Налила себе сама в миниатюрную чашечку, сделала аккуратный глоток.

Молчание несколько затянулось. Её нарушил Солист. Не придумав ничего лучшего, представился, хотя «Артемиде» ведь знала к кому пришла.

—Ах, извините, — словно опомнившись, сказала дама. — Софья Палеолог.

–Кто?!– изумился Бабочкин.

Софья Палеолог – бабка Ивана Грозного, жена Ивана III, была византийской принцессой. По одной из легенд, она привезла с собой уникальные книги, которые царь спрятал в потайном месте, и их до сих пор не могут найти. Журналист Бабочкин занимался этой темой, общался со многими историками и пришел к выводу, что так называемая пропавшая «Библиотека Ивана Грозного» не что иное, как красивая выдумка. Книги Софья, конечно, привезла, церковные, их было всего несколько и они никак не могли стать основой царской Либерии.

–Не удивляйтесь,– сказала дама. – Это мой партийный псевдоним, Юлий Осипович придумал, говорит, нрав у меня такой же властный и резкий, не терпящий возражений. В миру, так сказать, я Софья Полесская, помощница господина Мартова. А у вас какой псевдоним?

–У меня?! – снова удивился полковник.– Да нет у меня никакого псевдонима, я сам по себе, вернее, я просто бывший полковник Феликс Николаевич Бабочкин. Вот паспорт.

–Ба-а-абочкин, – растянула слово Софья, рассматривая протянутый ей документ. – Возможно. Но вы наверняка анархист князя Кропоткина и приехали в Швейцарию, чтобы немцам подбросить какую-нибудь подгоревшую свинью. Через здешних революционеров.

Полковник мысленно встряхнул головой: ничего себе ба-рышня, точно Палеолог, зрит в корень. Но каким образом?

Ах, да, Казимир наверняка рассказал Мартову, что он работал со мной в одной газете, что мой литературный псевдоним действительно Бабочкин, как я и сказал на дискуссии. То, что я стал военным корреспондентом, Яхновский тоже знал. И, вероятно, решил, что я через контрразведку Антанты, с которой связан Кропоткин, заброшен в Швейцарию, распространять в среде революционеров-эмигрантов идеи этого анархиста-философа, поддерживающего войну. А по сути, вносить в их ряды раскол. Что ж, логично.

—Я правильно говорю? — хитро прищурилась Артемида, как окрестил для себя Софью полковник. — Никто из нашего брата-революционера, кроме Петра Алексеевича Кропоткина и Георгия Валентиновича Плеханова не выступает так рьяно за империалистическую бойню и не любит так страстно Русскую армию. Именно их позицию вы и высказали вчера на дискуссии.

—Это исключительно моя позиция, госпожа... Палеолог.

—Вас я буду звать... э... Вы вчера явились в Народное собрание весь такой элегантный, красивый, лощенный, будто от парижского стилиста Бенарроха. Вашим партийным псевдонимом и будет — Стилист.

Час от часу не легче, бог знает что: Солист, Стилист, прям какое-то издевательство над личностью, хмуро пошутил про себя полковник.

—А другого псевдонима у вас для меня нет? И вообще, что значит «партийный псевдоним»? Я в ваши ряды не записы-

вался.

—Ну а с кем вам быть, подумайте. Здесь одни партии-калеки. Кадеты — беззубые, народники — сами видели, чахоточные, большевики кровожадные невротики, им бы только все поджечь, разгромить и уничтожить. А Ленин действительно часто бегает в немецкое посольство и сидит там часами. Что он там делает, не ясно. А хорошо бы выяснить. Возможно, просит немцев переправить его в Россию, чтобы устроить большевистский переворот.

Ровно через год, 9 апреля 1917, в 15 часов 10 минут, с вокзала Цюриха отошел состав, в одном из вагонов которого, находились 32 российских революционера-эмигранта, в том числе большевики во главе с Лениным. Вагон, где они ехали, вопреки слухам, не был опечатан, просто «экстремистам» по словам Людендорфа, было запрещено его покидать. Пиво и еду революционерам покупали на станциях сопровождавшие их немецкие офицеры. Руководил переброской начальник контрразведки кайзеровской Германии Вальтер Николаи. По другим данным, в Россию (через порт Засниц в Швецию на пароме «Королева Виктория») были отправлены несколько железнодорожных составов с представителями различных радикальных партий. На Финляндском вокзале, встречавшие Ленина и соратников революционные матросы, узнав, что переезд был организован и оплачен немцами, его чуть не повесили, спасли анархисты и эсеры, увезли «вождя пролетариата» на броневике, с которого он выступал.

—Ваш Мартов ведь поддерживает идею Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую.

—Раньше поддерживал, теперь нет. Только мирные, спокойные реформы. В этот мы главным образом расходимся с Лениным.

—Я это уже понял.

—Так вы согласны?

—С чем?

—Быть с нами, меньшевиками, в одних рядах. Юлию Осиповичу очень понравилась ваша теория о гвардии, которая всегда решала судьбу России и решит ее теперь, поэтому нужно не разваливать армию, а поддерживать. Или все же вас старик Кропоткин надоумил? Ладно. Вот среди большевиков вы нажили себе врагов. Так что советую вам примкнуть к нам. Завтра, в 10.00 Юлий Осипович назначил вам встречу у него на квартире, запомните адрес.

—Я его знаю.

—Хорошо подготовились.

—Для начала я хотел бы переговорить с Казимиром Львовичем Яхновским, он ведь тоже его помощник. Мы вместе работали в московском еженедельнике.

—А его нет.

—Как нет?

—Нет и всё. Вообще.

—Не понимаю.

—В шестом часу утра Казимира выловили из реки Шан-

ценграбен. Он жил на Линденхоф, это на левом берегу Лиммата. Его тело заметил в реке кюре Августин церкви Фраумюнстер, идущий на утреннюю молитву.

– Не понимаю, – повторил полковник, ошарашенный этой новостью.

– Что же тут непонятного? – пожала плечами Софья. – Увидел вас, решил, что вы пришли по его душу, вот со страху и утопился. Видно, когда-то он вам жирную свинью подложил. А?

Она подмигнула, допила кофе, встала.

– До встречи, полковник. Ах, простите, Стилист. Вы не пожалеете, что связались с нами.

Встреча с Мартовым состоялась, но не у него на квартире. Когда Мейер подвез полковника к дому, у подъезда стояли два человека, похожих на филеров Третьего тайного отделения при императоре Николае I – в одинаковых серых пальто и шляпах, единообразными усиками и маленькими, заплывшими от пива глазками. Они вежливо сказали, что Юлий Осипович ждет господина Бабочкина в ресторане «Weise See» у озера, предложили Солисту пересест в их авто, стоявшее неподалеку. Но он отказался, сказав, что нанял Мейера на неделю. «Шпики» поморщились, но согласились, чтобы полковник ехал на своем авто.

Ресторанчик был небольшой, уютный, внутри отделанный альпийской сосной, отчего в нем стоял устойчивый запах горного леса. Небольшое количество столиков было разгорожено низенькими перегородками. У стены, в дальнем «отсеке» сидел господин Мартов, с аппетитом кушал яичко «*oeuf roche*», сваренное по-французски без скорлупы.

Мартов слегка кивнул в знак приветствия, предложил и полковнику заказать такой же завтрак. Солист ненавидел пашот, предпочитал обычную яичницу, но спорить не стал, присовокупив к заказу кофе и круассаны с апельсиновым кремом.

Докушав яичко, Мартов вытер салфеткой губы, спросил:

—Ну что, господин полковник, удостоверились ночью, что Казимира отправили на тот свет не мы, его соратники? Да и зачем нам надо было бы? Сам виноват, предупреждали его не раз.

Полковника слова Юлия Осиповича будто прибили гвоздями. Но он старался не показать растерянности — настоящий контрразведчик выдержит любые удары и повороты. Но он ведь в душе в первую очередь журналист и теперь в раздراй пришла имена эта его сущность.

Ох, не прост меньшевик Мартов, вот такие всевидящие, всепроникающие тарантулы травят своим революционным ядом Россию. Прав военный чиновник Кошкин, все они, социалисты одним миром мазаны. Но как узнал?!

Да, Солист был ночью на квартире покойного Яхновского. В этом ему помог Леонард, имеющий знакомых, по его словам, чуть ли во всем Цюрихе. Софья лишь сказала, что Казимир жил на Линденхоф, точного адреса не назвала. Мейер зашел в местный кантон, сказал, что русский эмигрант задолжал ему крупную сумму за поездки, и он хочет её с него стребовать. Ему сообщили, что господин Яхновский погиб — утоп в реке. Вроде бы самоубийство, но на голове утопленника были обнаружены рваные раны. Возможно, ударился о что-нибудь, перед тем, как прыгнуть в Лиммат. В любом случае, полиция расследованием заниматься не будет, так как судьба эмигрантов ее не интересует. Тело находится в морге муниципальной больницы «Triemli Hospital», если

в течение трех дней оно не будет востребовано, его захоронят в общей могиле. Хозяину-рантье, арендованной Яхновским квартиры, находящемуся в Женеве, дана телеграмма. Прибудет на днях. Дом у пристани, номер такой-то, квартира крайняя справа от лестницы.

Этажность в Цюрихе была немецкой – первый у нас этаж, это у них нулевой. Поднялись на пятый этаж, Мейер указал пальцем выше. Дверь была белой, с медным глазком.

Они пришли в дом на набережной Шанценграбен глубокой ночью, пешком. Город был совершенно пустой и ни одного полицейского/жандарма. Нет, один прохаживался вдоль причала, потом скрылся вдали. Леонард сказал, что вернется он лишь через час.

Квартира была не заперта, что не удивило Мейера. По его словам двери в Цюрихе запирают лишь для одного – чтобы они не открывались от ветра или сквозняка.

Для ночной вылазки полковник приобрел карманный немецкий фонарик «Daimon». Квартира, состоящая из двух маленьких смежных комнат, была узкой, захлавленной. Повсюду вещи, коробки, пустые бутылки. На стенах красные пятна и полосы. Поднес фонарик. Ему ли не знать что это. Кровь. Значит, Яхновского убили здесь, на квартире, а потом оттащили ночью к реке, сбросили в воду, где его и обнаружил кюре Августин.

На письменном столе с открытыми ящиками, под лампой с зеленым абажуром – сложенный вчетверо лист бумаги.

Неужели предсмертное письмо?

Однако на листе были только буквы и напротив них цифры, некоторые с тремя нулями. Что это могло значить, полковнику контрразведки стало ясно после того, как в столе он нашел несколько колод распечатанных и еще нетронутых колод карт.

Несколько карт: десятка трюф, бубновая дама, туз червей валялись у дивана. Там же скомканный лист, край которого был в запекшейся крови.

—Тихо, кажется, дверь наверху хлопнула,— предупредил Мейер.

Полковник машинально сунул скомканный лист в карман.

Пора было уходить. И так стало ясно, что Казимир страстился к картам. Возможно, не только. Странно, раньше Бабочкин склонности Яхновского к азартным играм не замечал. Более того, Казимир не раз говорил, что презирает игроков, подсевших на карты или рулетку, они словно наркоманы, запавшие на марафет, пропащие люди.

И что теперь делать, продолжать блефовать, с чего и начал, порушив все планы чиновника Кошкина? С Мартовым непременно нужно встретиться, это даже не обсуждается, рассуждал полковник. Не исключено, главному меньшевику каким-то образом стало известно о настоящей цели поездки Солиста в Цюрих. Иначе не прислал бы он к нему очаровательную и прозорливую Артемиду — Софью. Возможно, кто-то из штаба фронта передал сведения о плане дезинфор-

мации Верховного командования эмигрантам-социалистам. Только ли одному Мартову передал? Ленин, говорят, каждый день в немецкое посольство бегают. Он бОльший заинтересант в «свинье», чем Мартов. Почему же Кошкин тогда выбрал именно меньшевика?

Ладно, встреча с Юлием Осиповичем многое прояснит.

– Да, карты, вероятно, подвели Казимира, – сказал Солист. – На листе – не иначе его долги.

Полковник показал бумагу с буквами и цифрами. Мартов на нее взглянул лишь мельком.

– Не удивлены, что я посетил жилище покойного Казимира Львовича? – спросил Бабочкин.

– Ничуть. Вы же господа контрразведчики, чрезвычайно любопытны. А тут ваш друг умер.

– Коллега. Друзьями мы с Казимиром никогда не были, хотя иногда вместе и делали забеги по злачным местам.

– Да, молодо-зелено. Были времена... Почему не интересуетесь, откуда мне известно о вашем посещении жилища Яхновского?

– Зачем спрашивать очевидное. Леонард Мейер.

– Он. Хороший парень, наш человек, племянник швейцарского социал-демократа Курта Лемке.

– Но я же сам сел в его такси.

Мартов махнул рукой.

– Думаете, только ваша военная контрразведка на что-то способна? У нас тут своя служба безопасности неплохая. –

Он кивнул на двух филеров, топтавшихся за окном. — Леонард стоял у выхода с вокзала, такой молодой, улыбающийся, сразу привлек ваше внимание. К тому же мои люди подстраховывали, другие шоферы вас бы не посадили к себе.

—Вам что же, мою внешность описали?

—Приблизительно.

—А как же заметка в газете о дискуссии в Народном доме?

Мартов покачал головой:

— Случайное совпадение. Просто так вышло, что вы наткнулись на объявление в газете. Иначе Мейер сам бы вам сказал о дискуссии русских эмигрантов в Народном доме. Выглядело бы топорно, но всё же. Кстати, как вам предложение Софьи Палеолог? Подходящий я ей псевдоним придумал, не правда ли?

—Да, настоящая Артемида. Над предложением я пока думаю. У меня ведь есть задание Главного штаба Ставки, насколько вы, оказывается, знаете, но оно не подразумевает вступление в ваши ряды.

—Импровизация, мой друг. Хороший контрразведчик всегда импровизирует. Но осторожно. Как вы теперь, ха-ха. Подгоревшую свинью нужно непременно подсунуть немцам. Ваша теория «освободительной гвардии» мне очень понравилась. Войну нужно выиграть, чтобы монархия в результате проиграла. Прелестно.

Сомнений не оставалось — Мартов действительно зрит в корень. Он, а не Софья.

Мысли гудели, как пчелы в растревоженном улье, но одна была выбрана сразу:

—Вы, все верно поняли, уважаемый Юлий Осипович. Моя теория освободительной гвардии, как вы выразились, действительно имеет под собой твердую историческую основу. Я как журналист...

—В данном случае, контрразведывательную основу, полковник, — перебил Мартов.— Давайте начистоту, господин Бабочкин. Если конечно, вы действительно бывший журналист Бабочкин. Впрочем, неважно.

Если идет «слив» из штаба фронта или даже выше, ломать комедию не имеет смысла, решил Бабочкин. Нужно лишь держать ситуацию в своих руках. Узнай о том, что сейчас происходит в Цюрихе, военный чиновник Главного штаба Кошкин от гнева и удивления бы лопнул. Или не лопнул... Не исключено, что предупреждение Мартова о его приезде в Цюрих, часть его игры. Сложная шахматная партия, с выходом на реальных покупателей дезинформации. Только, кто они? Время ведь не терпит.

Спросил в лоб:

—Вы ждали именно меня в Швейцарии?

—Не вас лично, но информацию я имел о прибытии некоего агента контрразведки Русской императорской армии. Ну и повторяю, приблизительное описание внешности. Она у вас запоминающаяся: этакий лихой, статный варяг-русак с небольшим боевым шрамом на правой щеке. Высок, строен,

всегда чисто выбрит. Вы сразу решили заявить на дискуссии о себе. Правильно. Я этого и ожидал.

Спрашивать от кого конкретно поступила к Мартову информация, было бессмысленно. Но вопрос «зачем?» так и просился с языка.

Юлий Осипович опередил Солиста:

– Видите ли, мы меньшевики, в РСДРП не самостоятельная партия, всего лишь крыло, так сказать. Но рано или поздно мы станем отдельной партией. Единой, неделимой. Пока же и у нас внутри нет полного согласия. Господа Чхеидзе, Плеханов и иже с ними, считают, что Россия должна победить в войне, так как эта война оборонительная. Но они не зашли так далеко с теорией «освободительной гвардии», как вы, господин полковник, ха-ха. Ума, видно, не хватило.

Заказав себе еще пашот, Мартов продолжил. Ему нравилось, что полковник не перебивает его и не задает лишних вопросов. Он вообще не терпел, когда нарушают его течение мысли.

– Я же и мои сторонники призываем к заключению мира без аннексий и контрибуций. Нас осуждают, что мы, мол, встали на позицию пораженчества. Но это не так – интернациональный демократический мир не может быть поражением. Кстати, нас еще обвиняют в том, что мы якобы призываем к гражданской войне, как Ленин. Называют пораженцами. Это полная чушь и провокация, с целью очернить наше течение. Мы против братоубийственной бойни, мы только

за безболезненные реформы. Теперь, надеюсь, вам понятно для чего нам требуется контрразведывательная информация из России и не только. Для самозащиты. Царская империя на грани гибели. Но не Россия. И от того, кто возьмет в ней власть после кончины монархии, будет зависеть судьба страны. Сторонники социал-демократических идей, в том числе наши единомышленники, есть везде, в том числе и в Ставке императора Николая. Большевики окрестили его «Кровавым» после известного «воскресенья» и за то, что ввязался в войну, уничтожая тысячи россиян. Я тоже считаю, что царь наделал массу невероятных глупостей, поставил Россию на край пропасти. Наша задача ее удержать от падения.

Словно иглой кольнуло Солиста – военный чиновник Кошкин использует в своих играх социалистов в Ставке императора. А он лишь шестерка в его колоде и вовсе не козырная. Какого конкретного хода ждет от него Мартов? Ясно, что он не прочь подсунуть «подгоревшую свинью немецкому командованию. Исходя из своего оригинального, мягко говоря, патриотизма? Вряд ли.

После некоторой паузы, Мартов пристально взглянул на Бабочкина:

– Ну, давайте, задавайте интересующие вас вопросы.

– У меня нет вопросов, Юлий Осипович, – ответил полковник, не опуская взгляда под просвечивающими, словно прожекторами на линии фронта, глазами «интернационалиста». – Кроме одного: зачем и кому понадобилось убивать

Казимира Львовича? Карточные долги давайте оставим в стороне.

Докушав пашот, Мартов ответил:

– Вы слишком усложняете дело, господин полковник. – Повторяю: игрок-с. Его давно обуяла сия страсть. От нее трудно отделаться, как от болезни. Об этом еще Федор Михайлович Достоевский писал. Читали его «Игрока»? Впрочем, чего я спрашиваю маститого журналиста. Я ведь и ваши статьи когда-то почитывал. Да, да, автор – Феликс Бабочкин, помню. Вы всегда отличались оригинальностью ума. Ха-ха. Видно, Казимир, здорово проигрался, а отдавать нечем. Циферки на листе – его долги. Упокой, душу... У меня к вам предложение.

–Софья Палеолог уже предложила мне стать членом вашего социал-демократического крыла, даже придумала партийный псевдоним – Стилист.

–А что, дельно. Вы действительно выглядите шикарно, по последней моде, стильно. Она вообще умница. Дочь камердинера императорского двора. И вот видите, встала на здравый социал-демократический путь. Теперь к делу. Мне необходимо знать, какова на вкус ваша «подгоревшая свинина» для немцев, что она такое собой представляет.

–Я уже изложил основную суть Софье...

–Николаевне. Вы с ней тезки по батюшкам. Прекрасно. Так вот, чтобы свинка не протухла, так сказать, её нужно вовремя применить. Выкладывайте, голубчик, полную леген-

ду, с которой вас прислали в Швейцарию. Вы же понимаете, что пашот в Цюрихе готовится моментально.

Это была явная угроза. Полковник сделал вид, что пропустил её мимо ушей. Что ж требуете легенду, пожалуйста, получите. Еще неизвестно кто из кого приготовит пашот.

Солист рассказал Мартову всё «как на духу», кроме двух основных «деталей»: наступление начнется в середине июня, а не в начале месяца, и не в центре войсками Юго-Западного и Западного фронтов Брусилова и Эверта, а Северным фронтом под командованием генерала Куропаткина. Затем в движение придут все фронты на протяжении 350 километров, а союзники начнут наступление на Французском фронте. Германия вынуждена будет перебросить под Луцк 34 дивизии, тем самым, как считает Ставка, утратит стратегическую инициативу на севере и в войне наступит перелом в пользу Антанты.

—Очень интересно, — сказал, выслушав полковника Мартов. — Вкусную свинку приготовила ваша контрразведка германцам. — Итак, середина июня, Северный фронт. А как на самом деле? Впрочем, с меня и этого достаточно. Как говорил царь Соломон: « Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Напрасно вы полковник, все же не кушаете пашот, он очень полезен для желудка.

Мартов извинился, сказал, что отлучится на минуту.

За спиной полковника выросли три жандарма в серо-зеленых шинелях и квадратных фуражках. Двое были с шашками на широких ремнях, один с винтовкой на плече. По-

просили паспорт, а полистав его, предложили пройти с ними. Юлий Осипович больше не появлялся. Не видно было ни Мейера, ни двух «шпикиов» у входа в ресторан.

В участке его довольно грубо обыскали. А в пальто вдруг обнаружился тот самый окровавленный скомканный лист, который Солист машинально сунул в карман в квартире Яхновского, потом пытался найти, но подумал, что выронил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.